РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

КООПЕРАЦИЯ.
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Выпуск №14

Москва
2008

ISBN 978-5-9940-0057-1
ББК 65.9(2Рос)-1
Р82

Кооперация. Страницы истории. Выпуск 14. — М: Институт Экономики РАН. 2008. — 253 с.

Ответственный редактор д.э.н. *Фигуровская Н. К.*
Ученый секретарь к.и.н. *Дударев М. И.*

Издание осуществлено при поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда
проект 08-02-00080а

Очередной 14-й выпуск тематического сборника «Кооперация. Страницы истории» посвящен важным вехам в истории российского кооперативного движения: 110-летию учреждения МСПО, 100-летию Первого всероссийского кооперативного съезда (Москва, 1908) и 90-летию создания Всероссийского закупочного союза сельскохозяйственной кооперации (Сельскосоюза) и Совета Объединенной сольскохозяйственной кооперации (Сельскосовета).

В статьях сборника получили отражение исследования по истории и историографии кооперативной мысли и кооперативного строительства в России, а также размышления о возможностях продуктивного использования кооперации в решении насущных экономических проблем современности.

Для научных работников, кооперативных и общественных деятелей и всех, интересующихся историей и современностью народного хозяйства России.

Содержание

Иванов Ю.М.
д.э.н., проф. Московского государственного текстильного университета

Как мы поднимали сельское хозяйство СССР в 50-х годах и каковы пути и средства его подъема сегодня

(Воспоминания и размышления бывшего тридцатитысячника, председателя колхоза им. Сталина, с. Лубянки Дмитровского района, Орловской области, 1955-1958 гг.)

К вопросу о понятии «сельское хозяйство»

Сельское хозяйство — исторически сложившаяся сфера материального производства и жизни людей. В современном обществе принято разделять все население на городское и сельское. Под последним понимается население, проживающее за пределами городов. Такое деление в значительной мере условно и относительно. Иначе обстоит дело с сельским хозяйством как отраслью производства, в которой принято выделять две подотрасли: растениеводство и животноводство. Дословно его содержание можно толковать как производство на селе, в сельской местности.

Соответственно в правительствах государств создаются министерства сельского хозяйства, призванные руководить этой отраслью, обеспечить ее функционирование и развитие.

Такова формальная, юридическая сторона положения сельского хозяйства в обществе.

Но фактическое, особенно экономическое его положение совершенно иное. В доиндустриальный этап в обществе земледелие, производство, основанное на земле, для удовлетворения насущных потребностей людей было не только главным, но фактически синонимом материального производства, а село (селение) было главной формой жизни и деятельности почти для всех людей, (свыше 90%).

Новый этап индустриального развития общества (создания и развития промышленности), осуществляемый капитализмом, в корне изменил место и роль сельского хозяйства, его положение в обществе. Процесс создания и развития промышленности (сотен и тысяч новых предприятий различных отраслей) требовал постоянного притока рабочей силы извне в нарастающих масштабах и поставил вопрос о свободном передвижении людей (отмене закрепления за землей и личной зависимости крестьян от земледельцев-феодалов — главного устоя феодального общества). Этим было положено начало не только крушению феодализма и перехода общества к капитализму, но и массовому оттоку населения из сельского хозяйства в промышленность и бурному росту городов и городского населения и соответственно уменьшения сельского. Старая традиционная система земледелия рушилась под ударами процесса индустриализации. Новый класс капиталистов — владельцев фабрик и заводов — выполнял тогда исторически прогрессивную миссию — превращал экономику из аграрной в индустриальную, и на это была направлена деятельность государства. И вряд ли кто в тот период думал о положении и судьбе самого сельского хозяйства, которое в различных странах по-разному приспосабливалось к капитализму, и его функции — индустриализации страны.

Но сам процесс индустриализации поставил перед обществом новые проблемы, без решения которых он не мог продолжаться. Первой и главной проблемой стало обеспечение самой промышленности (которая изначально развива-

лась на сельскохозяйственном сырье) растущими потребностями в сырье. Вторая проблема — обеспечение растущего городского населения не только жильем, но продовольствием, одеждой, обувью и прочими предметами первой необходимости. И все это упиралось в сельское хозяйство, состояние и положение которого в обществе ухудшалось самой индустриализацией. Прежнее мелкое индивидуальное крестьянское хозяйство, полунатуральное в основе, было мелкотоварным, поставлявшим на рынок лишь излишки продукции, которыми город обеспечить невозможно.

Проблемы и пути перехода сельского хозяйства к крупнотоварному производству

Новый этап развития общества капитализмом требовал коренных преобразований на селе самого сельскохозяйственного производства, его превращения из распыленного мелкого индивидуального полунатурального в крупное обобществленное специализированное по видам продукции товарное производство, работающее на рынок. Постоянно растущий отток рабочей силы в промышленность при прежней ручной технике и основанной на ней технологии не позволяли сохранить даже простое воспроизводство: сельское хозяйство и село как среда обитания стали разоряться, приходить в упадок, а общество в целом заходить в тупик и кризисное состояние, из которого должен быть найден выход.

Исходной точкой, как и в промышленности, должна была стать кооперация (объединение) остающихся на земле производителей и переход от примитивных ручных орудий труда к принципиально новой технике труда — к системе машин, в десятки и сотни раз производительнее прежней.

И здесь разные страны различно стали решать эту проблему. В начале, во второй половине XIX в., складывались два пути дальнейшего развития сельского хозяйства: прусский и американский, что в значительной мере определялось исторически сложившимися условиями в каждой стране. Россия до революции 1917 г. пыталась встать на прусский путь: превращение самих помещичьих хозяйств в капиталистические крупнотоварные и создание крупных капиталистических хозяйств из зажиточных крестьян-кулаков, применяющих наемную рабочую силу, батраков (разорившихся крестьян). Практической попыткой осуществления была Столыпинская реформа до 1917 г.

В советский период (1917 — 1990 гг.) развитие страны в целом и сельского хозяйства в особенности подчинялось решению одной главной задачи — индустриализации и индустриальному развитию, поскольку Россия экономически (из-за сохранения основ феодального строя) значительно отставала в развитии от стран Западной Европы и Америки, оставаясь в основном страной аграрной, крестьянской, с незначительным развитием промышленности и капитализма. В 1926 г. крестьяне и ремесленники составляли 86% населения страны (докапиталистические формы) и 14% — остальные социальные слои, в том числе промышленные рабочие — 6%. В 1921 г., после X съезда партии, Ленин в статье «О продовольственном налоге» писал, что страна находится на докапиталистической ступени, крестьянской, мелкотоварной, не прошла стадию капиталистического индустриального развития. Его основной вывод: в России нет условий для прямого, непосредственного перехода к социализму, нужен особый путь через промежуточные звенья. Главным он считал государственный капитализм особого рода (развитие простого и товарного производства под жестким контролем государства трудящихся и партии рабочего класса при поголовной кооперации населения, особенно крестьян), таков был нэп.

Более конкретно выполнение нэпа, развитие экономики на основе производственных связей промышленности и сель-

ского хозяйства, политического союза рабочего класса и крестьянства Ленин изложил в статье «О кооперации». Главная идея Ленина: развитие экономики при переходе от докапиталистической ступени к социализму должно проходить на базе товарной формы производства и товарно-денежных отношений не стихийного (свободного), а направленного развития капитализма через госкапитализм, обеспечиваемых контролем и рамками их государства. При этом он требовал равенства экономических отношений между рабочим классом и крестьянством. «Эквивалентный товарный обмен между городом и деревней, — писал он, — суть социализма». Ленин также указывал на необходимость всесторонней кооперации крестьян, чтобы она охватывала не только производство (сельхозартель, колхозы — коллективные хозяйства и пр.), но и сбыт сельскохозяйственной продукции и снабжение всем необходимым для производства и жизни крестьян, т.е. чтобы крестьяне объединялись не только для совместного производства, но сбыта продукции и обмена ее на продукцию промышленности, непосредственно представляли и защищали свои интересы. Эта важнейшая сторона кооперативного плана развития сельского хозяйства в России не была выполнена. Кооперация самих крестьян была проверена только в сфере производства — коллективизация, создание колхозов, которые экономически были несамостоятельны в производстве (все полевые работы выполнялись государственными МТС, реализация продукции и снабжение также фактически стали государственными каналами изымания прибавочного (а подчас и необходимого) продукта государством). Эта порочная политика государства в отношении сельского хозяйства и крестьянства продолжалась и в последний период, когда политическая необходимость и ее оправдание отпали. Это привело к тому, что, несмотря на многочисленные постановления и авральные кампании государства, сельское хозяйство оставалось экономическим придатком промышленности, не получило необходимого развития, поддерживалось в состоянии выживания, а с ликвидацией МТС и самих колхозов в 90-е гг. пришло в полный упадок. В результа-

те массового разорения и опустения сел, заброшенности пахотных земель и сельхозугодий сельское хозяйство оказалось на грани полного вымирания и исчезновения как важнейшая отрасль общественного производства.

Как поднимали сельское хозяйство в СССР в 50-е годы («реформы» и «революции» Н.С.Хрущева)

Автор абстрагируется от другой, государственной формы крупного производства в сельском хозяйстве — совхозов, так как это не только бы усложнило работу, но затруднило бы для читателя понимание ее главной линии — отношения и деятельности государства и партии к основному классу на селе, крестьянству, к превращению мелкого индивидуального хозяйства, основанного на ручном труде и примитивной средневековой технике, в крупное обобществленное производство, основанное на системе машин.

Исторически сельское хозяйство сложилось в основном в европейской части страны. Нужны были государственные крупномасштабные меры. И они были предприняты.

Первым «реформатором» и «революционером» в послевоенном подъеме сельского хозяйства стал Н.С.Хрущев, пришедший к руководству партией после смерти Сталина в 1953 г. Уже в сентябре этого года был проведен Пленум партии по сельскому хозяйству. Вместо резкого увеличения поставок сельскому хозяйству в целом и особенно его европейской части сельскохозяйственной техники, минеральных удобрений, строительных материалов и пр., способных в короткий срок резко увеличить производство сельскохозяйственной продукции в стране и поднять село, главной стратегией на ближай-

ший период стал подъем и освоение 42 млн га целинных и залежных земель в казахских степях и засушливых районах (степных) на восток от р. Волги. Вместо эффективного интенсивного пути был выбран экстенсивный путь (чисто количественное увеличение обрабатываемой площади почти на 1/3, создание новой производственной и социально-бытовой и пр. инфраструктуры, прокладка дорог, новых населенных пунктов с миллионами рабочих рук и специалистов из европейской части страны и, конечно, направление новой сельскохозяйственной техники не уже существующим и работающим колхозам и совхозам, а на вновь осваиваемые целинные земли (как и всего прочего)). Это был удар по сельскому хозяйству страны, сравнимый только с прошедшей войной. Самые первые поверхностные расчеты тогда показали, что только одна поставка на старопахотные земли комбайнов для уборки уже выращенного зерна в количестве, ликвидирующем его ежегодные потери в 2 — 3 центнера с каждого гектара (из-за растягивания сроков уборки вместо 10 — 12 дней на 2 — 3 месяца, когда зерно не только осыпалось, но и неубранные поля уходили под снег), одна только ликвидация этих потерь могла дать те 1,5 млрд пудов зерна, которые дала эта авантюра, да и то только в первые годы. Еще столько и даже больше в 2 — 3 раза могла дать организованная поставка и технически грамотное внесение минеральных удобрений и другие продуманные меры. Таково было начало.

Следующей революционно-административной мерой Хрущева была посылка из города в село 30 тысяч коммунистов, не знающих сельского хозяйства, на должности председателей отстающих колхозов, хотя отстающими были почти все, кроме специально созданных «маяков». В те годы для оправдания неграмотной и порочной политики руководства партии не только сельским хозяйством, но и промышленностью, была задействована идея — нет плохих предприятий, есть плохие директора (см. повесть Г. Николаевой «Битва в пути»). Применительно к сельскому хозяйству эта идея означала, что нет плохих колхозов — есть плохие председатели.

Хрущев считал, что достаточно поставить во главе колхозов честных коммунистов (не ворующих и не пропивающих колхозное добро), и они обеспечат подъем и развитие сельского хозяйства, как двадцатипятитысячники в 1929 г., когда проводилась коллективизация. Но в середине 50-х гг. перед сельским хозяйством страны стояли другие задачи и потребовались другие пути и средства их решения. Это было неграмотное административно-волюнтаристское решение, игнорирующее действительные проблемы. Конечно, добровольно поехавшие в колхозы коммунисты могли навести там порядок, решить самые поверхностные вопросы, но решить проблему подъема и развития сельского хозяйства при проводимом сверху донизу контроле (райкомов и райисполкомов) они не могли. Вот в такой общей политической обстановке мы, романтики, полные желания и решимости сделать все возможное и невозможное для подъема колхозов и жизни народа, выехали на постоянное жительство в села и приняли хозяйства.

Как я поднимал колхоз им. Сталина в с.Лубянки Дмитровского р-на Орловской области (1955-1958 гг.)

В 1955 г. я окончил философский факультет МГУ, а до этого исторический факультет заочно, находясь на партийной работе в Западной Украине (в райкоме и обкоме партии), после демобилизации из армии, 1947 — 1950 гг. в Волынской области. Но в отличие от многих других я был знаком с сельским хозяйством практически и теоретически, поскольку 3,5 года имел практическое общение с селом и крестьянами, а в МГУ три года изучал сельскохозяйственную

литературу и архивы Министерства сельского хозяйства СССР. Результатом стала дипломная работа «Сельскохозяйственная артель как особая форма социалистического производства». Кроме того, я тогда уже имел библиотеку основной литературы по растениеводству, животноводству и экономике сельского хозяйства, еще не зная, что вместо аспирантуры стану председателем колхоза. Иначе говоря, я «болел» тяжелым положением сельского хозяйства и понимал, что без решительных мер государства в сельском хозяйстве страна в целом функционировать не сможет. Поэтому стал тридцатитысячником.

Избранию председателем предшествовала стажировка в колхозе-»маяке», председателем которого был бывший председатель райисполкома Дмитровского района Фак. Там нам показали, каким может стать колхоз, если в него в течение ряда лет направлять средства и материалы, выделяемые всему району (32 колхозам). После этой «потемкинской деревни» из областной группы троих оставили в районе и повезли избирать председателями самых «отсталых» хозяйств. Избирали в разгар уборки зерновых «на току», где одна ручная веялка очищала зерно, привозимое от комбайна с поля. Представитель райкома, дав мне краткую характеристику, предложил колхозникам избрать председателем, а прежнего председателя Смолякова сделали председателем сельского совета. Не зная членов правления и бригадиров, я тут же приступил к исполнению своих обязанностей. Первым действием был вопрос к работающим на току колхозникам: почему не очищено столько зерна, которое нагревается от травы и сорняка? Ответ был простой и шокирующий: веялка работает только днем, в одну смену с 9 утра до пригона коров, которых надо доить. А зерно горит и пропадает. Какие меры должен был принять новый председатель, чтобы спасти зерно? Единственная мера — непрерывная, круглосуточная очистка зерна. Для этого нужно ночное освещение. Но как его организовать? Электричества в селе нет (оно будет потом), а свет нужен сейчас. Стал искать выход вместе с колхозниками, и

нашли его. Кто-то сказал, что в сельском кооперативе (магазинчике) видел керосиновые фонари, но нужны деньги, чтобы их купить, денег у колхоза ни копейки. Пришлось все имеющиеся при себе деньги израсходовать на покупку фонарей и организовать круглосуточную очистку зерна. Это был первый пример экономического положения колхоза.

Невозможно изложить три года пребывания на посту председателя колхоза. Поэтому ограничусь отдельными примерами, наиболее характеризующими не только мою работу, но политику и практику государства и партии по руководству сельским хозяйством в тот период.

Другой пример, аналогичный первому, ждать не пришлось. Одновременно с уборкой началась пахота и сев озимых, где сроки работ решают урожай следующего года. В конце дня прибегает в правление бригадир тракторной бригады Бывшев: «Председатель — беда случилась! Коленчатый вал мотора трактора «полетел»». Срывается сев, ибо обращаться в МТС — значит потерять время, там быстро такую аварию не устранят. Спрашиваю: «Павел, что будем делать, где выход?» После нескольких минут раздумья бригадир отвечает: выход есть, но нужны деньги. У меня в Орле на механическом заводе родственник токарем работает, за ночь коленчатый вал сделает... А я как раз свою первую заработную плату тридцатитысячника получил. Достаю ее и спрашиваю: «Этого хватит?» «Он наш, лубянский, думаю, согласится», — отвечает Бывшев. В колхозе была единственная старая полуторка. Вызываю шофера и говорю: «Вот машина, и чтобы утром трактор работал!» Прихожу утром на поле, а они с шофером закончили сборку и заводят мотор. Сев продолжается.

Главной проблемой было полное отсутствие денег, не только наличных, но и на счетах колхоза. А были большие долги, более миллиона рублей, созданные самим государством путем принудительного навязывания колхозу кредитов под выращивание маньчжурской конопли (до 70 га при цене одного центнера семян 1 800 р. и норме посева 2 центнера на 1 га и пр.). Поэтому, если и появлялись когда небольшие день-

ги, то они тут же снимались на погашение долга. Этим и объясняются два указанных выше случая, когда председатель оплачивал крайне необходимое для колхоза из своего кармана, либо нарушал закон в поисках денег. Ему часто приходилось ходить по краю лезвия ножа между законом и выполнением доводимых сверху планов и директив. Но об этой стороне руководства колхозом в те времена мы еще скажем. В районе об этом знали, понимали и реагировали в соответствии с конкретной ситуацией (не замечали, наказывали и даже хвалили за конечный результат).

Но вернемся к реальности, где действовал неумолимый закон: «хочешь жить — умей вертеться». И все кинофильмы о председателях колхозов послевоенного времени с такими артистами, как Ульянов, Мордюкова и др. были кусочками дозированной правды.

Следующий сохранившийся в памяти факт — восстановление колхозного сада, заброшенного после войны. Отсутствие ухода и охраны привело его к запустению и одичанию. Но что-то еще оставалось. И требовалось из этого «что-то» возродить сад. Можно было ничего не делать, и никто бы не осудил, так как были более важные дела. Заканчивались полевые работы, спадала напряженность, а в колхозе пропадало добро, которое могло потом дать доход и «живые» деньги. Но сейчас нужны были деньги на обновление сада, ибо старые деревья хотя и давали немного плодов, но они были пригодны только для внутреннего потребления, а не для рынка. Пришлось идти на авантюру. Первое — охрана того, что созрело от растаскивания кому не лень по привычке. Второе — собрать и реализовать. В районе и Орле не продашь такой товар. Значит, везти в саму Москву. Договорился с директором МТС Сухотиным об аренде двух 3-х тонных грузовых машин, плюс своя полуторка, правление выделило по две женщины на машину для продажи, а возглавил «операцию» завхоз колхоза, «тертый» мужик Крутилин. Рекламировал товар и зазывал покупателей на Дорогомиловском рынке Москвы сам председатель, впервые познавший искусство и силу рекламы. Товар

продали за три дня по хорошей цене и на обратном пути заехали в Мичуринск, где купили 12,5 тыс. саженцев плодовых деревьев, которые посадили вместо старых деревьев. Так без копейки затрат извне был создан новый плодовый сад в колхозе. Судьба мне его неизвестна, так как через три года по ряду объективных причин пришлось вернуться в Москву, о чем будет сказано ниже. Таковы несколько эпизодов начальной трудовой деятельности председателя колхоза.

Теперь несколько слов о характеристике принятого хозяйства.

Как уже говорилось, колхоз не был экономически самостоятельным хозяйством. Основные полевые работы выполняла МТС (пахоту, боронование, сев, культивацию, уборку), а колхоз был в поле вспомогательной рабочей силой ввиду частичной (некомплексной) механизации. Животноводство же было отраслью полностью колхозной (за исключением выращивания и заготовки кормов). Соответственно колхозными были крупный рогатый скот, свиньи, овцы, птица и помещения для их содержания, кроме того, колхозные лошади для хозяйственных работ. Так вот, все это находилось в доведенном до крайности состоянии. Начнем с последнего. Десять постоянно полуголодных лошадей в конюшне из плетня, обмазанного глиной. Еще одна кобыла для председателя, для поездок в райцентр в 20 км от Лубянок и повседневно объезда ферм, бригад для проверки выполняемых по нарядам работ. Около 20 коров, из которых треть — яловые, несколько нетелей и молодняк. Все это размещалось в одном помещении, где стены из досок и горбыля, тоже обмазанные глиной. Свинарник — тоже старый плетеный хлев с несколькими десятками одичавших свиней, которых почти не кормили, которых боялись даже свинарки, с весны до поздней осени они находились «на подножном корму» в рядом находящемся кустарниковом лесочке, куда их выпускали с утра до вечера. Наконец «птицеферма» — курятник в заброшенной избе, который обслуживала одна, рядом живущая семья. Таким было все животноводство колхоза в 1955 г., через 10 лет после войны. Фор-

мально: три фермы, одна конюшня и курятник, пять полеводческих бригад по территориальному делению. Основная мужская рабочая сила села была в МТС, а в колхозе — в основном женщины, инвалиды и пожилые. В этом были небольшие плюсы и больше минусов. Плюсы в том, что основная часть механизаторов была из Лубянок, а минусы — работали не в колхозе, а в МТС и обрабатывали поля других колхозов.

Но главной бедой колхозов были ножницы цен, причем сверх всякого объяснимого предела. Перефразируя слова одного эстрадного артиста, можно сказать: они были просто смешные, если бы этот смех не был слезами миллионов колхозников, работавших фактически без оплаты труда и живших на своем усадебном хозяйстве. Колхоз оплачивал труд колхозников по «остаточному принципу» — что останется на конец года, после выполнения всех обязательств (натурой по трудодням, а оставалось крайне мало или совсем ничего). Еще студентом МГУ, работая над темой «Сельхозартель как особая форма социалистического производства» (которая затем стала дипломной работой), я искал объяснение такой вопиющей нелепости: розничные цены на сельскохозяйственные продукты в городе для населения были в десятки раз (от 30 до 50) выше цен, по которым государство платило за них колхозам. Такие цены по всем экономическим законам не обеспечивали не только расширенного, но и простого воспроизводства, они были колоссально убыточны и разорительны. Тогда я стал искать причину появления и объяснения таких цен. И нашел ее в архивах Министерства сельского хозяйства СССР: это были рыночные цены 1926 г., по которым государство покупало у крестьян излишки продукции на свободном рынке в соответствии с принятым X съездом РКП(б) решением о переходе от продразверстки к продналогу. Суть его заключалась в том, что устанавливался твердый, не подлежащий изменениям продналог на минимум поставок, необходимый государству. Все излишки сверх него крестьяне получили право продавать на рынке по свободным ценам, что стимулировало расширение производства сельскохозяйственных продуктов

в стране. По этим ценам их закупало и государство. Ускоренная индустриализация, рост городов и городского населения вызвали многократный рост цен на сельскохозяйственные продукты на рынке и в розничной торговле, по которым государство закупать не могло, и оно перешло к организованным (плановым) заготовкам, положив в основу цены 1926 г. Они действовали и в послевоенный период, тогда как цены на продукцию промышленности для села выросли в десятки раз. Так сложилось и росло экономическое неравенство между городом и деревней, между рабочим классом и крестьянством, подрывавшее основу власти Советов — союз рабочих и крестьян, и разрушавшее основу всей экономики страны — сельское хозяйство. Многочисленные решения съездов, пленумов, постановления в послевоенный период (особенно авантюрные хрущевские, о которых скажем ниже) не поднимали и не развивали сельское хозяйство как важнейшую отрасль общественного производства, поскольку обходили главный вопрос — неравенство в экономических отношениях, неэквивалентность обмена, «ножницы цен». Нынешние демократы (вчерашняя партийная номенклатура) после «дворцового переворота», разворовав страну и трижды тотально ограбив народ, довели разрушение и разорение села и сельского хозяйства до конца: ликвидировали коллективные хозяйства и коллективы крестьян, позволявшие обрабатывать землю с помощью машин, животноводческие фермы с сотнями и тысячами голов скота, с механизацией как заготовки кормов, так и производства продукции, разделили крупные массивы земли на клочки, на которые посадили крестьян с лопатой и мотыгой, т.е. ликвидировали современное крупное земледелие, основанное на системе машин, превратили его в мелкое, средневековое с примитивной ручной техникой. В результате большинство так называемых «паев» земли не обрабатывается, зарастает сорняком и кустарником. Только по официальным данным более трети пахотной земли в стране уже выбыло из сельскохозяйственного оборота. Экономически неграмотные демократы надеются в своем стремлении любой ценой лик-

видировать советскую систему хозяйства повторить в сельском хозяйстве приватизацию промышленности. Тогда (в 1991 г.) каждому за 25 р. продали «ваучер» — 1/150 миллионную часть общественной собственности (две «Волги» по Чубайсу). Обманув народ, затем провели для себя «денежную» приватизацию, растащив по своим карманам куски народного хозяйства, приносившие в госбюджет России ежегодно 600 млрд р. дохода (на 1990 г.), а остаток в 30 млрд долл. оставили всему 150 миллионному народу и государству. Такой госбюджет имеет Финляндия с населением 6,5 млн чел.

Земельный сценарий у «демократов» тот же. Далее, подобно ваучерам, крестьяне продадут свои паи земли за бесценок дельцам-проходимцам с толстыми кошельками, которые создадут крупные хозяйства, в которых будут работать батраками по найму на условиях хозяина вчерашние колхозники. Такова логика реформ в сельском хозяйстве у «демократов». Доведя ее рассмотрение до логического конца, мы возвращаемся в Лубянки.

После первых шагов, организационных и кадровых мер (из пяти бригад три возглавили новые бригадиры, создана строительная бригада) встал вопрос: с чего начинать подъем хозяйства? Полеводство фактически было у государства, которое не только обрабатывало землю системой МТС, но жестко планировало до последнего гектара, что и сколько на них выращивать, доводя до каждого колхоза десятки культур. Никакой специализации и учета почвенно-климатических условий. Хотя по площади земли колхозы считались крупными хозяйствами, но по производству конкретных видов сельскохозяйственной продукции они были мелкими хозяйствами с низким уровнем концентрации (за исключением основных зерновых). Порочна была сама система: Госплан СССР определял потребность всей страны по каждому виду продукции. Затем этот общий вид потребности (и производства) распределялся по республикам, областям, районам и колхозам (всем сестрам по серьгам). В овощеводстве такая практика доходила до абсурда, когда колхоз обязывали выращивать (и сдавать

государству) капусту, морковь, лук и пр. на площадях 0,5 — 1,5 га. Дело не только в том, что распыление культур по тысячам хозяйств исключало механизацию, увеличивало ручной труд, нехватку рабочей силы и понижало эффективность, но и в том, что оно не позволяло колхозам сосредоточить силы и средства на основных направлениях и увеличить производство продукции. Поэтому начинать надо было с животноводства, где у колхоза было больше самостоятельности и свободы.

Здесь надо было решать две главные задачи: строительство помещений для размещения скота и полная замена личного поголовья на продуктивное, способное давать товарную продукцию и доход колхозу (о кормовой базе как о третьей задаче я пока не говорю, так как сам корм должен стать продуктивным).

Для строительства коровника и телятника нужен лесоматериал, а его давали по разнарядке, не каждый год и в малом объеме (30 — 40 куб.м). Пришлось договариваться с лесхозом на санитарную рубку. Весь крупный рогатый скот сдали государству по договору, что деньги перечислят в племсовхоз, где закупили племенных телок и бычка. Такую же операцию проделали со свиньями. Для свинарника завезли пористые теплоизоляционные блоки. За черепицей для крыш ездили на завод в Брянскую область. А с птицефермой получилась целая история. Имевшийся «птичник» сгорел вместе с курами из-за неосмотрительности птичницы, молодой девушки, которая спешила вечером в клуб и забыла загасить керосиновую лампу. Поскольку сгоревший курятник был убыточным, а на строительство птицефермы не было ни материалов, ни средств, мы отложили эту отрасль на будущее. Но иначе за нас решили в районе, руководство которого и «выше» считали, что в каждом колхозе должен быть полный набор отраслей животноводства, и в начале лета по разнарядке всем колхозам завезли инкубаторных цыплят по нескольку тысяч, которым требовались специальные помещения, особое кормление и уход. Что делать? Цыплята обречены на смерть. Срочно собираю правление и принимаем решение:

раздать по колхозным дворам на условиях — корма колхозные, кормление и уход колхозников, осенью сдают колхозу половину полученных и выращенных цыплят. Поскольку помещения для зимнего содержания создать не смогли, пришлось их сдать государству по плану мясопоставок. В стране был принят трехлетний план развития животноводства, по которому СССР должен был за три года догнать и перегнать США по производству мяса и пр. продукции. Все колхозы обязали пересмотреть (удвоить) планы по поголовью скота и поставок государству продукции животноводства. А в Лубянках в это время раздали полученных по разнарядке от государства цыплят колхозникам, а половину выращенных сдали по плану мясопоставок. И это сделал тридцатитысячник, призванный партией поднимать сельское хозяйство и быть примером для других. Понятно, что такого факта безнаказанным райком оставить не мог. Как только весть дошла до района, председатель был вызван на бюро, членами которого являются все руководители района, в том числе и прокурор. Но поскольку большинство этих цыплят по району в других колхозах погибло и надо привлекать к ответственности многих, вызов закончился строгим предупреждением не повторять подобное. А как не повторять, если во исполнении только плана по развитию животноводства потоком шли волюнтаристские, ничем не обеспеченные директивы. Например, в течение одного года удвоить поголовье крупного рогатого скота. Для чего колхозам предоставлялся кредит для закупки телят у колхозников (по 100 — 200 голов), в то время как материалы для строительства помещений зимнего содержания не выделялись, выделение земли на увеличение кормовой базы не предусматривалось и т.д. Поэтому закупленный молодняк в большинстве погибал в осенне-зимний период, и общество несло тройные потери: колхозник сохранил и вырастил бы его у себя, государство бросало деньги «на ветер» (как с цыплятами), колхозам очередной такой кредит увеличивал долги государству. В выполнении трехлетнего плана по животноводству были и «отличившиеся». Так, один из секрета-

рей обкома партии (если не изменяет память, в Рязанской области, Ларионов) скупил скот у соседних областей и выполнил три годовых плана по сдаче мяса государству, за что получил звание Героя социалистического Труда и Золотую звезду, а потом, когда в ЦК пошли жалобы из соседних областей и вскрылся сам способ его «успеха», был «шум» в печати (его личную судьбу я точно не помню).

Приведем еще один пример, характеризующий отношения колхоза с государством и отношения внутри колхоза, в частности к труду и колхозной собственности. В те времена распространенным было мнение о нерадивом отношении колхозников к труду и колхозному добру. И это было так. Поздно выходили на работу и раньше времени уходили с нее, прихватив что можно с колхозного поля. Особенно это проявлялось на уборке картофеля и кормовой свеклы: ходили со своими ведрами и домой с порожними не возвращались. Поскольку несли все, то останавливать и возвращать было бесполезно, внешне это выглядело как «растащиловка» и морально разлагало колхозников. Я поставил вопрос на правлении и получил ответ: а что вы хотите, председатель — это же нами выращенный урожай, с которого мы ничего не получаем за свой труд: а так хоть ведро с поля для скотины, и самим. Где выход? Выход оказался простым: десятое ведро собранного урожая — как плата за труд. Тогда и воровать перестанут, и трудиться будут как на своем огороде. Так и постановили. Идея оправдалась с лихвой: картофельное поле в 70 га было убрано без обычных потерь за одну неделю — вышли все: и пожилые, и школьники после занятий в школе, даже работающие в МТС после работы. Причем отказались от картофельного комбайна МТС: убрали под соху своей тягловой силой — лошадьми, чем помогли МТС, которая не справлялась, выполнили план поставок картофеля спиртозаводу, заложили бурты на зиму скоту. Это вызвало новый гнев райкома партии, снова председателя вызвали на бюро, хотели передать дело в прокуратуру, но опять спасло то, что в других колхозах с уборкой не справились, и часть урожая ушло под снег. Но

пример этот показателен тем, что главное — материальная заинтересованность, и даром, по принуждению, работать никто не станет и не будет.

Не забыло наше поколение и волюнтаристски авантюрную затею с кукурузой после поездки Н.С. Хрущева в США. Всем колхозам (от Кубани до Архангельска) предписали заменить традиционные зерновые (пшеницу, рожь, овес и т.д.) на кукурузу. В среднеевропейской полосе, к которой относится Орловская область, кукуруза вырастает в основном на силос и при хорошем удобрении земли дотягивает до молочной спелости початка, но сухого зерна получить по области не удается. Глобализация посевов кукурузы встретила сопротивление на местах. Председатели колхозов изощрялись в ограничении ее посевов. Об агрономически обоснованных севооборотах приказали забыть. Началась «тайная» война «низов» с «верхами», доходившая до показательных судов над председателями колхозов. В нашем Дмитровском районе такой суд устроили над председателем колхоза с.Чувардино Нагодухиным, фронтовиком. Официально обвинили в приписках в отчетности (фактически посеял кукурузы меньше плана и отчета). Но на суде колхозники всем селом выступили в его защиту и заявили суду, что председателя своего не отдадут не только милиции, но роте солдат: будут драться и готовы пролить кровь. При таком повороте событий суду пришлось принять компромиссное решение: три года условно с вычетом 20% дохода. Кампания Хрущева с кукурузой проходила уже после 1958 г., когда я вернулся в Москву (о самом возвращении будет сказано ниже).

Вернемся к продолжению воспоминаний о работе председателем колхоза. Восстановив, на сколько это было возможно, животноводство и наведя при сопротивлении району порядок в полеводстве, погасив долги государству (колхозники стали получать на трудодни натурой до 2 кг зерновых и пр. и по одному и более рублей деньгами), надо было решать другие проблемы. Наиболее крупной была электрификация и радиофикация села Лубянки (переводить людей на современный образ жизни). Для этого нужны были деньги и столбы, плюс все остальное. За сдава-

емую государству продукцию полей и ферм платили мало (как уже было сказано из-за низких цен), поэтому надо было искать другие, нелегальные, на грани закона источники, т.е. идти на хозяйственную хитрость и оборотистость. В этом деле крестьянин умнее министра сельского хозяйства. Случай ждать не пришлось. Пришелся год очень урожайный на гречиху. На одном из заседаний правления перед уборкой урожая мне подсказывают: гречневая крупа в городах Донбасса продается потребкооперацией по 8 р. за кг., и если придержать гречиху и выполнить план зерновых другой культурой (просом), то, порушив гречку на крупу в Орле на мельзаводе, можно получить немалые деньги. Правление приняло решение по выполнению плана зерновых, а полученные деньги — использовать на решение вышеназванной задачи. Все практическую сторону получения таким образом денег поручили завхозу колхоза Ивану Крутилину, обладавшему в таких делах способностями и даже талантом. В районе такой маневр колхоза не заметили или не поняли. Был один звонок, почему не начали сдавать гречиху? Ответили: еще не поспела. Когда получили деньги, поехал в «Облсельэлектро» заключать договор на работу. Приехал специалист, определил потребность в материалах и общую смету. На установку столбов потребовалось 75 куб.м леса. Поехал в Орел к зампредисполкома с уже заключенным договором, тот объяснил мне трудности с лесом, но наряд на выполнение договора подписал. Так решилась главная проблема. Дизельный двигатель для генератора купили в МТС, как списанный с баланса. Остальное сделало «Облсельэлектро» по договору. Так впервые в истории Лубянок в избах колхозников появился электрический свет. Затем по тем же столбам провели радиосеть. Теперь колхозники могли слушать радио и получать информацию о событиях в стране и в мире.

Хотелось сделать хозяйство многоотраслевым, причем с отраслями, продукцию которых мог бы реализовать сам колхоз. Помимо сада, который через два — три года начнет плодоносить, была возможность использовать пруд, через который проходила речка. Требовалось его очистить, углубить, поставить плотину для стока и регулирования уровня воды. Но тут —

новая волюнтаристская затея Хрущева: ликвидация МТС и передача в долг всей полевой техники колхозам без всякой подготовки, расчетов и учета последствий. А последствия были такие, что отбросили колхозы на много лет назад (помимо новых миллионных долгов государству за технику). Поскольку колхозы не имели ни помещений для хранения техники, ни ремонтной базы, а многие колхозы не имели даже своих механизаторов. Трактористы и комбайнеры развезли тракторы и комбайны по своим дворам, где они не только хранились под открытым небом, но ремонтировались. Вместо МТС создали Сельхозтехнику, у которой колхозы должны теперь покупать технику и запчасти по ценам, во много раз превосходящим цены реализации их продукции. Такая мера была под силу крупным и богатым колхозам южных районов (Кубани, Ставрополья, Украины и др.), но распространять ее на всю страну, особенно центральные, северо-западные районы страны было губительной авантюрой. Если на Кубани МТС обслуживала два — три крупных колхоза, то в большинстве остальных районов — 10 — 12 хозяйств. Проведенная затем кампания по укрупнению колхозов и превращению части их в совхозы положения не исправила. В сельском хозяйстве нарастал кризис, по выходу из которого в 60-е гг. принималось ряд постановлений ЦК КПСС, но у руководства не было главного: научно обоснованной концепции развития сельского хозяйства страны. Поэтому действительного подъема и развития его не получилось.

Когда в феврале 1958 г. было принято решение Пленума ЦК КПСС о ликвидации МТС, я отправил в ЦК свою дипломную работу, в последней главе которой были обоснованы два различных пути развития для колхозов юга с нечерноземного центра европейской части страны. И получил ответ из отдела науки, где мне рекомендовалось направить ее на защиту как кандидатскую диссертацию. Понимая новое положение и последствия для колхоза после февральского Пленума (только новых долгов за технику начислили более 2 млн р.), я понял бессмысленность дальнейшего пребывания в колхозе, отправил письмо в Москву, в Институт философии АН СССР, который

приглашал меня в аспирантуру по окончании факультета МГУ в 1955 г., и получил приглашение (вызов). В это время проходили отчеты и избрание председателей колхозов. Я подал заявление в первичную парторганизацию колхоза с просьбой рекомендовать общему собранию колхозников отпустить меня на учебу в аспирантуру и избрать председателем одного из освободившихся специалистов МТС, проживающего в Лубянках и ставшего безработным. Парторганизация и общее собрание удовлетворили мою просьбу, освободили с благодарностью за проделанную работу в колхозе за три года и избрали председателем главного (теперь бывшего) агронома МТС Тишина, хотя против моего освобождения три раза выступал присутствовавший на собрании от района председатель райисполкома Жулидов. Я мог после собрания возвращаться в Москву, но надо было сняться с партийного учета в райкоме партии, а первый секретарь Потанин тянул месяц (как выяснилось потом, у него было свои планы: ожидал окончания перевыборов и не хотел отпускать меня из района). Наконец по телефону вызов на бюро, где мне заявили, что у бюро другое мнение: направить меня председателем в другой колхоз. Вы хорошо проявили себя в Лубянках и сможете поставить на ноги еще один колхоз, теперь им. Ленина, который «развалил» Савостиков. Это для меня было неожиданным и неприемлемым. Не для того меня отпустили колхозники из Лубянок, чтобы я принял другой колхоз. Это было бы для них обманом и предательством. Я категорически отказался. Тогда Потанин пригрозил мне исключением из партии. Я ответил: «не Вы меня принимали и не Вам меня исключать (принимали меня в полку во время войны)». По предложению Потанина бюро исключает меня из партии и направляет свое решение на утверждение в обком партии в Орел. Председатель комиссии партийного контроля, приняв заявление и выслушав историю исключения, сказал, что решение райкома абсурдно, комиссия вынесет на бюро обкома предложение об его отмене, поэтому поступайте в аспирантуру, а решение получите почтой. В Москве в Институте философии АН СССР я рассказал свою историю зам. директора, сдал на «отлично» все экзамены, и для

зачисления в аспирантуру требовалось только письмо из Орла. Но вместо письма я получаю вызов на бюро обкома. Приезжаю. Председатель удивлен, ибо их предложение бюро — отменить решение райкома. Заседание ведет не первый, а второй секретарь Мешков. Захожу. Он зачитывает решение райкома и предлагает его утвердить. Послушное без вопросов голосование и далее команда — положить партбилет на стол. В шоке выхожу из кабинета, выходит и председатель партийной комиссии и говорит, что он ничего не понимает. Предлагает обжаловать решение бюро обкома в комиссии старых большевиков при партийном контроле ЦК КПСС. Обращаюсь в эту комиссию, меня приглашают на ее заседание, Человек 15 пожилых коммунистов заслушивают председателя, затем меня, задают вопросы, после чего просят подождать в коридоре. Затем председатель оглашает решение: отменить решения райкома и обкома как не имеющие оснований, в партии восстановить, но за нарушение партийной дисциплины (по уставу я был обязан выполнить, а затем обжаловать решение райкома) объявить выговор, вопрос о снятии которого будет рассмотрен через год. Этим и закончилась моя история с подъемом сельского хозяйства на практике в должности председателя «отстающего» колхоза.

Размышления о подъеме и развитии сельского хозяйства и села в России в современных условиях

Переход от аграрной экономики, основанной на ручных орудиях и ручном труде, к индустриальной, основанной на системе машин и управлении ими профессионально-квалифицированным трудом, совершался на Западе капитализмом и в России социализмом в XX в. разными путями. Я имею в виду не только создание и развитие промышленности, но и индустриальное развитие сельского хозяйства.

В капиталистических странах, ставших на путь индустриального развития с середины XIX в., сельское хозяйство до середины XX в. (до перехода к государственному капитализму) сохранялось в большинстве стран в традиционном состоянии: многомиллионное мелкое, индивидуальное хозяйство (фермеры), основанное на ручной технике и ручном труде. Одновременно возникали крупные капиталистические хозяйства, в стихийной конкуренции с которыми основная масса производителей (мелкие фермеры) разорялась, и их численность быстро сокращалась. Возник и стал нарастать кризис в сельском хозяйстве, остро поставивший продовольственную проблему в государстве и стране в целом. Решить эту проблему могло только государство, так как частный капитал показал свою полную несостоятельность. Так начался государственный капитализм в сельском хозяйстве индустриальных стран Запада, который должен был выполнить задачу его индустриализации, т.е. перевода на рельсы крупного специализированного производства на базе машин (комплексной механизации). В различных странах эта задача решалась разными путями. Особо мы выделим и рассмотрим два пути: «вертикальной интеграции в США» и «всесторонней кооперации в Скандинавских странах».

Особенно решительно и масштабно взялось за коренную реорганизацию (перестройку) сельского хозяйства государство в США, где за два десятилетия (50 — 60 гг.) были вложены из госбюджета сотни млрд долл. в создание системы «семейных ферм» на базе комплексной механизации (создания особой системы машин и их специализации), объединенных вокруг крупных агропромышленных предприятий (фирм) на контрактной основе, в качестве поставщиков сельскохозяйственного сырья. Государство и фирмы взяли на себя подведение к каждой семейной фирме дорог с твердым покрытием, поставку всего необходимого для производства какого либо одного продукта и ремонт техники по вызову, гарантированный сбыт и даже уборку урожая или отправку скота (или молока, ягод и пр.) рабочей силой и транспортом

данной агропромышленной фирмы. Семейная ферма стала выполнять одну функцию — производства и переработки необходимого продукта в объеме и в сроки, указанные в контракте (двустороннем договоре). Это фактически смешанная государственно-частная плановая система в сельском хозяйстве страны. Так что «семейная ферма» в США — это не одиночка фермер, самостоятельно производящий продукт на стихийный («свободный») рынок и предоставленный сам себе на выживание, как утверждают наши демократы-реформаторы, ликвидировавшие колхозы и бросившие крестьянина с клочком земли — «паем» на произвол судьбы в объятия «дикого криминального российского капитализма» (об этом разговор пойдет ниже). Это опорное звено, клеточка планомерно организованного монополистического капитала в агропромышленном комплексе США под руководством и контролем государства.

Второй путь индустриализации сельского хозяйства, его перевода на рельсы крупного комплексно-механизированного и автоматизированного производства, отличный от США, сложился в Скандинавских странах — это «всесторонняя комплексная кооперация в сельском хозяйстве», охватывающая производство, снабжение, переработку и реализацию продукции и также представляющая агропромышленный комплекс страны под опекой и контролем государства. И здесь фермер — производитель, а не кустарь-одиночка, брошенный в стихию дикого рынка на съедение хищных акул крупного финансового капитала. Он надежно защищен и поставлен в условия, обеспечивающие снабжение всем необходимым не только для производства, но и личного потребления, реализацию и разумный доход.

Следует особо отметить, что во всех капиталистических странах (не только Европы) всесторонняя поддержка (финансовая, техническая, реализация продукции и пр.) сельскохозяйственного производства является задачей № 1 для государства как во внутренней, так и во внешней политике государства.

Особо важным для государства является не только создание современной производственной инфраструктуры, но забота и контроль за использованием пахотной земли, сельскохозяйственных угодий, лесных и водных ресурсов в стране. Определенная и подчас значительная часть всей земли (до 65%) находится в собственности государства и никто не ставит вопроса о ее превращении в частную собственность (США). Если же земля находится в частной собственности, то государство ставит жесткие рамки ее владения и использования. Так, в Германии частная собственность на сельскохозяйственную землю сохраняется только за теми, кто использует ее по назначению и имеет сельскохозяйственное образование. При отсутствии этих двух условий земля изымается в собственность государства и передается тому, кто выполняет оба условия. Эти и другие условия и рамки частной собственности на землю имеются в каждом современном государстве, особенно для ее купли-продажи.

Если мы обратимся к современной «демократической» России, то ничего из вышесказанного не найдем. Партийная элита и номенклатура, совершившая в начале 90-х гг. государственный переворот и повернувшая страну от недостроенного социализма к дикому криминальному капитализму, провозгласила курс на «демократизацию», рыночные реформы, создание «рыночной экономики» (через 15 лет нет ни современного рынка, ни вообще никакой экономики, даже той, что была, а есть «дикий рынок» без экономики), правового, социально направленного государства. В действительности получили «растащиловку» верхушкой власти национального богатства страны и создание финансово-олигархической системы в экономике и государстве, пятикратное ограбление народа и колониальную, зависимую от США и Европы страну. Национальное богатство страны, бывшее общенародной государственной собственностью, выраженные только накопленным трудом основные фонды, составлявшие в 1990 г. около 4 трлн р., в том числе основные производственные фонды, оцененные по остаточной стоимости в 160 млрд р., бы-

ли лишены единого собственника — народа — и мошеннически разворованы новой демократической властью. Так, основные производственные фонды (оцененные Госимуществом во главе с А. Чубайсом в 1 500 млрд р.), были проданы якобы народу (150 млн чел.) как инвестиционные чеки ваучеры) по номиналу 10 тыс.руб. за 25 руб. каждый. Они были выпущены как безымянные сроком действия 1 год, в течение которого народ мог их либо продать за бесценок, либо передать в частные инвестиционные тресты сомнительного происхождения типа МММ Мавроди, «Хопер» и др., которые затем безвозвратно исчезали при полном попустительстве правительства. В действительности эти чеки (ваучеры) пропали только для народа, а правительство вернуло их на объявленную затем денежную приватизацию и за ваучеры собравшим их мошенникам или под беспроцентный кредит своему кругу лиц за смешные цены в тысячи раз ниже реальных распродало, а точнее распределило все производственные фонды и богатства страны. Так, Госбюджет лишился почти всех источников дохода. И если в 1990 г. доход Госбюджета РСФСР составлял 630 млрд долл. в валюте США, то после так называемой приватизации всего около 30 млрд. долл. (бюджет Финляндии) на всю Россию с ее 150 млн населением, а остальные 600 млрд долл. ушли в карманы новой власти и ее опорного окружения. Народ лишили не только его собственности и доходов с нее, но и личных трудовых сбережений на сумму 360 млрд р., обесценив при этом заработную плату и пенсии. Иначе говоря, «демократы», установив криминально-уголовный режим, разворовали национальное богатство страны, ограбили ее население, поставив по уровню жизни в последнюю десятку в мире. И при таком положении в стране стоит вопрос: как поднять сельское хозяйство, прокормить народ, обеспечить продовольственную независимость и безопасность страны?

Ответ на него связан с выполнением одной из четырех главных программ внутренней политики президента и правительства страны, на выполнение которых выделено 4 млрд

долл., или по 1 млрд на каждый. Уже сама мизерная сумма выделяемых государством средств говорит об отношении и понимании масштабов и значения каждой проблемы (сельское хозяйство, жилищно-коммунальное хозяйство и здравоохранение России).

Сельское хозяйство России сегодня не имеет никакой общественно-экономической формы (системы) хозяйствования — оно просто развалено и разгромлено до самого основания, отброшено в XIII в.: система крупных хозяйств с частичной механизацией труда ликвидирована (совхозы и колхозы), как государственная и кооперативная формы собственности. Вся земля превращена в частную собственность с безграничной свободой (вседозволенностью) купли-продажи даже лицам, не проживающим в России и не имеющим ее гражданства, нет ограничений и в использовании земли, т.е. главное богатство и сама ее территория пущены на распродажу всему миру. Сами же крестьяне — производители, ранее работавшие на земле и кормившие страну, получили по клочку земли (пай) подобно ваучеру, с которым они не знают и не способны что-либо делать, использовать по назначению, так как «лопатой» не вскопаешь, а современную технику не применишь. Остается одно: продать за бесценок «денежным мешкам», которые создадут класс землевладельцев, подобно олигархам-миллиардерам в промышленности. Таковы, очевидно, действительные планы и цель правящих сегодня Россией «демократов» в преобразовании и развитии страны. В итоге таких преобразований рабочий класс вместе с трудовой интеллигенцией в городе станет классом наемных рабочих — пролетариев у частного дикого и криминального капитала, а сельскохозяйственной производители, крестьяне — батраками у реставрированного на современный лад класса помещиков.

Поэтому все рекламируемые Президентом и его правительством приоритетные проекты на деле «дымовая завеса» для народа и отвлечения его от действительных планов и целей мирового финансово-олигархического капитала и ра-

ботающего на него мирового правительства, осуществляющего внешнее правление Россией через созданную ими доморощенную олигархию, и ее власть по превращению России (имеющей огромные природные энергетические и сырьевые ресурсы) в мирового их поставщика и рынок сбыта. Развивать собственное реальное производство России категорически запрещено. Мировой капитал ради достижения этой цели пошел на искусственное астрономическое повышение цен на энергоресурсы (нефть и газ), чтобы сделать их внутренними ценами в России и не дать подняться с колен отечественной промышленности и сельскому хозяйству, а также создать мощный и постоянный источник инфляции (роста цен), обнищания трудового народа в России, чтобы ни говорил при этом министр финансов Кудрин народу. На деле власть «крепко привязана к трубе», поставляющей энергоресурсы Западу, все доходы от их продажи возвращаются обратно на Запад и финансируют его экономику, а на развитие производства в самой России продолжают отпускать жалкие крохи с олигархического стола. Один Абрамович вложил в футбол и приобретение недвижимости в Англии больше, чем правительство в промышленность и сельское хозяйство страны, за что получил от президента подарок в 13,5 млрд долл., увеличив, таким образом, личное состояние до 22,5 млрд долл.

Если бы наша власть действительно думала о развитии производства в России, особенно сельского хозяйства, она изучила бы и осуществила бы на практике то, что уже десятилетия имеет место в сельском хозяйстве развитых капиталистических стран Запада.

В связи с вышизложенным предлагаю небольшой перечень давно опубликованных источников, в которых об этом сказано более подробно, чем в данной статье:

1. Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. М.: Экономика, 1989.

2. Меньшикова М.А. США: капиталистическое накопление и индустриализация сельского хозяйства. М.: Наука, 1970.

3. Меньшикова М.А., Мартынов В.А. и др. Структурные сдвиги в сельском хозяйстве США. М.: Мысль, 1965.

4. Андреева Н.М. Сельское хозяйство США. М.: Наука, 1993.

От автора:

Автор считает, что раньше других стран и в наибольшей мере индустриализация сельского хозяйства была проведена в США в послевоенный период (в 50-е — 60-е гг.) при прямом участ ии и всесторонней поддержке государства, которое взяло на себя функции создания производственной инфраструктуры, единого агропромышленного комплекса с его формами и звеньями: производство, переработка и реализация, а также прямое и косвенное финансирование (дотации, субсидии и пр.). Семейная ферма — это не самостоятельный фермер, а звено, жестко включенное контрактами в крупные специализированные перерабатывающие предприятия, которые обеспечивают фермера всем необходимым для производства, вплоть до ремонта и поставки запчастей и сбора урожая своими рабочими и его вывоза своим транспортом. Так что никакого «свободного» производителя и «свободного» рынка в США уже полвека не существует, на смену пришла жесткая плановая система под руководством и контролем государства, особенно в политике цен и распределении доходов. То же самое имеет место в разной степени и разных формах в остальных развитых капиталистических странах Запада.

Что касается России, то исторически сложилась и до принятия закона Госдумой господствовала государственная форма собственности (царя или народа) при предоставлении ее во владение помещикам (дворянам) и в пользование крестьянам. В основе сельского хозяйства лежало общинное землепользование, по которому община распределяла землю

между крестьянами (по «душам» или по числу мужчин в семье) и несла ответственность перед помещиком или государством. Попытавшийся ликвидировать общину Столыпин был убит за это крестьянской партией эсеров, что забыли наши «демократы», превратившие землю в частную собственность и заложившие, тем самым, мину под экономику и свое правление Россией, ибо она этого не приемлет и долго терпеть не будет. Общинный дух и психология народа отторгнет все чуждое, навязанное извне. Эта роковая ошибка переделывания России «на западный лад» только окончательно уничтожит сельское хозяйство как фундамент экономики села с его населением, ничего не создав взамен.

Производство на земле по отношению к производителю знает два пути развития: пролетаризацию и кооперацию. Первый путь отделяет производителя от земли, концентрирует ее в крупные помещичьи и капиталистические «латифундии», а крестьян — в бесправных батраков, работающих на землевладельцев. Второй путь объединяет крестьян с землей и средствами производства в кооперативы (коллективы) для совместного труда, либо производства и реализации продукции. Первый путь — стихийного развития капитализма, ведущий к обогащению меньшинства, разорению и обнищанию большинства (первоначальное накопление капитала за счет трудящихся). Второй — организованного развитого капитализма (или социализма), осуществляемый государством (государственный капитализм в сельском хозяйстве) в интересах общества в целом и самих производителей для обуздания дикого капитализма и ослабления классовых противоречий, поддержания их на уровне «социального мира» в обществе. Управляемой демократии и власти извне в России пора осознать необходимость (пока не поздно, еще можно при больших усилиях и затратах государства) в кратчайшее время перевести сельское хозяйство и село в целом на второй путь развития, сочетая из-за огромной территории и резкого различия отдельных зон (почвенно-климатических и социальных) оба современных пути развития сельского хозяйства:

американский — вертикальной интеграции, создания специализированных агропромышленных комплексов и скандинавский — всеобъемлющей кооперации, работающих на земле под руководством и контролем государства — это обязательное условие.

Необходимо отметить следующее: пора не только прекратить, но и законодательно запретить пропагандируемую и насаждаемую в практике мифологию «о свободном предпринимательстве», «свободной конкуренции» и «свободных ценах», которые на капиталистическом Западе были окончательно похоронены глобальным кризисом 1929 — 1933 гг. — и в настоящее время использующуюся как «дымовая завеса» экономической диверсии для разрушения и ликвидации реального производства в России, не только сельского хозяйства, но и промышленности, чтобы превратить Россию в рынок сбыта для индустриально развитых стран «золотого» миллиарда, которым Россия жизненно необходима только как поставщик энергетических и сырьевых ресурсов и рынок сбыта готовой продукции. В остальном она самый опасный конкурент № 1, которого не должно быть. Здесь интересы Запада и России несовместимы и Россия должна бороться за свое место на планете, если хочет сохранить себя как великая и самостоятельная страна и государство.

Для этого России необходимо одно: национально-патриотическая государственная власть (Президент и Федеральное Собрание), которые проводят в интересах страны и ее народа самостоятельную, независимую от США и НАТО внутреннюю и внешнюю политику. А последним также пришло время понять, что их однополярный «золотой век» мирового господства и грабежа народов, век колониальных империй и коллективного колониализма подходит логически и исторически к закономерному концу. XXI в. и новое тысячелетие открывают новую эру — эру многополярного мира и равноправия всех народов, больших и малых, где лидеры в коллективном руководстве человеческим обществом не будут навязываться властью сильного, а будут признаваться самими

народами по реальным делам и нравственным критериям. По этой исторической логике США, как последний лидер старого мира эксплуатации и национального угнетения, окажутся на самом последнем месте, поскольку они являются единственным государством в мире, не имеющем собственной территории, и создали его путем геноцида целого народа с высокой культурой и нравственностью, используя превосходство в оружии (огнестрельные ружья и пушки против стрел и копий). Остатки этого великого народа по сей день проживают в резервации за ограждением и под контролем как дикие звери, лишенные всех человеческих прав, и используются для развлечения иностранных туристов (специфический американский бизнес). Народ и правители США должны знать и постоянно помнить, что за такой первородный грех и преступление против человечества им не избежать, как бы они не молились, кары небесной, которая сожжет или смоет их с лица Земли. Поэтому не ждите возмездия, а выводите все войска и вывозите зеленые бумажки — доллары, орудие нынешнего господства и обогащения, и чем скорее, тем лучше для вас и всего человечества. Россия же наоборот, когда к руководству страной придут личности, у которых не будет за ее пределами личных друзей, а будут национальные интересы, встанет с колен и вновь станет могучей и процветающей державой, дружелюбной ко всем странам и народам, их опорой в строительстве нового мирового устроения и новых отношений дружбы и сотрудничества. Для этого ей мудрый Отец человечества — Господь Бог даровал все: огромную территорию, несметные земные богатства (природные ресурсы) и Богу преданный православной верой великий русский народ.

31 июля 2006 г.